

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1999 г.

РАЗВИТИЕ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА В УГАРИТЕ

В западной половине холма (рис. 1), естественным образом противопоставленной акрополю с основными городскими храмами, были обнаружены руины трех разновременных дворцов и несколько других крупных зданий официального характера. В совокупности они составляют богатый репрезентативный комплекс Угарита, соединяющийся с кварталом крупных жилых домов, по-видимому, принадлежавших высшим чиновникам и городской знати (дома Рапану, Рашапабу, дом с печами, дом алебастров и т.п.) Эта часть города с ее рациональной планировкой, несколькими улицами и площадями в равной мере противопоставлена и более скромной жилой застройке, раскопанной на участках Centre de la ville; Sud Acropole; Ville sud в восточной половине холма.

Восстановление хронологических соответствий внутри этого комплекса выявляет несколько ступеней его формирования. Несмотря на то что на протяжении по крайней мере целого тысячелетия эта часть Угарита сохраняла свои официальные функции, ее внутренняя организация подвергалась серьезным изменениям, отразившимся прежде всего в кардинальной перестройке царской резиденции.

1. СЕВЕРНЫЙ ДВОРЕЦ¹

В отношении старой резиденции угаритских царей мы располагаем скудными данными. Размеры дворца, как и время его постройки, точно не определены. Расположенный к северу от Большого царского дворца, он, очевидно, древнее дворцового комплекса позднее Угарита. Представленные на плане помещения с монументальным входом и большим внутренним двором, по всей вероятности, образуют центральную часть здания. Южная и западная граница дворца остаются условными; его северный предел Лагарс² видит в мощной стене, поворачивающей на восток в северо-западном углу плана. Реконструкцию облика Северного дворца значительно усложняет указание Кл.Ф.-А. Шеффера³ на то, что при оформлении дворцового комплекса группа юго-восточных помещений оказалась прирезана к Большому царскому дворцу (блок Н на плане, см. рис. 2). Эти стены сохранили облицовку ортостатами, можно предположить, что здесь находился еще один внутренний двор неправильной формы или что они образовывали внешний южный фасад дворца. Несмотря на то что это предположение в высшей степени гипотетично⁴, два обстоятельства говорят в пользу объединения

¹ Северный или третий дворец Угарита (площадь 1600 м²) открыт в 1968 г., раскопки продолжались до 1972 г. См. соответствующие публикации: *Schaeffer Cl. F.-A. // Syria. 1970. 47. P. 209–213; idem. // Syria. 1972. 49. P. 27–34; Lagarce É. et J. // Syria. 1972. 49. P. 15–21; idem. // Syria. 1973. 50. P. 297–309.*

² *Lagarce É. et J. // Syria. 1972. 49. P. 15.*

³ *Schaeffer. // Syria. 1972. 49. P. 28.*

⁴ За исключением единственного упоминания Кл.Ф.-А. Шеффера, мы не находим какой-либо информации на этот счет; к сожалению в публикации не указывается, где сохранилась облицовка, – на внешней или на внутренней поверхности стены. Выбор одного из двух последующих предположений зависит от этой информации. В публикациях Лагарсов эти стены не рассматриваются. Очевидно, предположение Шеффера

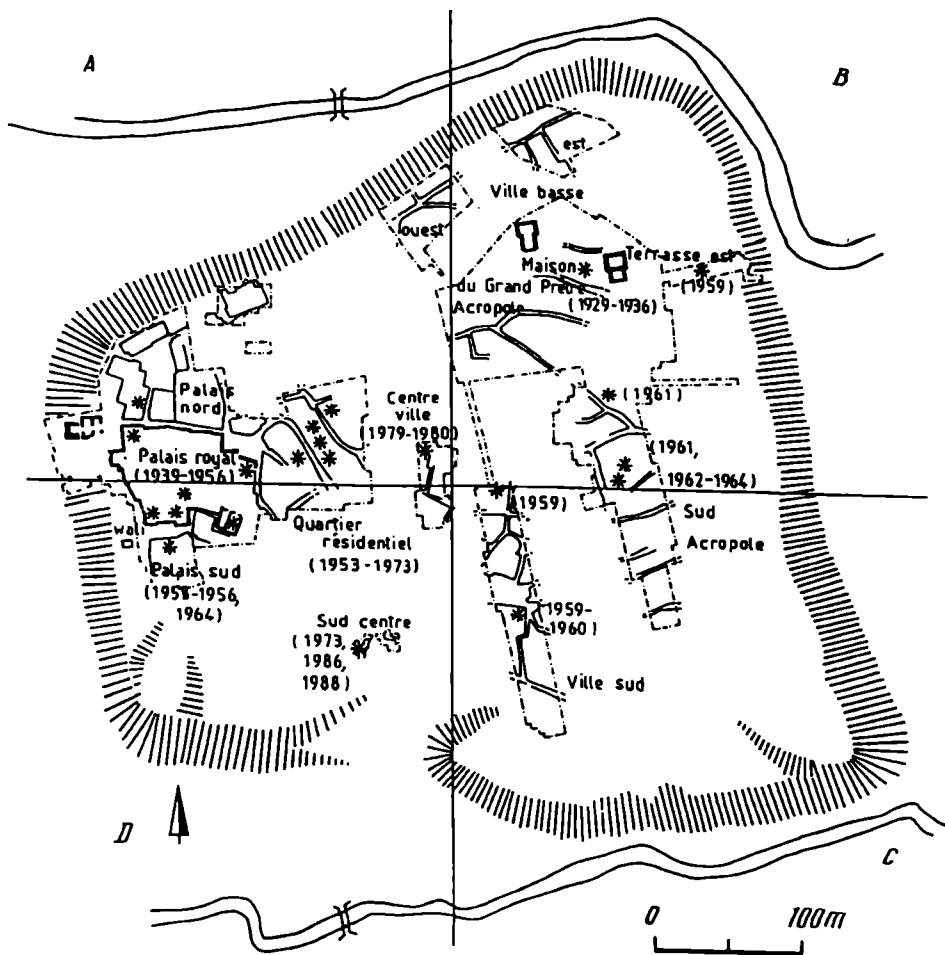

Рис. 1. Угарит. План раскопок. По RSO 1. 1983. Fig. 2

группы помещений Н с Северным дворцом в рамках одного архитектурного комплекса. Если рассматривать эти два здания как единое целое, восточная граница дворца отодвигается приблизительно на 15 м. Монументальный вход на «восточном фасаде», следовательно, либо находился внутри дворца, либо был расположен «в тени» крупного ризалита. Такая форма плана зеркально отражена в строении портика Большого царского дворца с выступающей почти на 10 м башней. В последнем случае планировка кажется обусловленной оборонительными задачами, но защита от палящего солнца могла бы послужить не менее реальной причиной такой характерной особенности композиции. В то же время, если допустить, что и восточный фасад был ограничен продолженной линией северного предела дворца по Лагарсу и стеной блока Н, вход во дворец оказывается в центре этой воображаемой стены.

Собственно от входа во дворец сохранились только каменный порог двери (2×1 м) и монолитная плита внешней ступени (3×8,5 м); возможно, она выходила в другое, внешнее помещение, от которого остались два поперечных отрезка стен⁵. За порогом

основано на том, что стены были облицованы ортостатами – характерная черта архитектуры Северного дворца.

⁵ Оба справа от входа. На плане Северного дворца, опубликованном в Syria. 1973. 50. P. 298 воспроизведен только крайний правый отрезок уже без всякой связи со стенами дворца, но без каких-либо объяснений в тексте. Остается предполагать, что авторы относят эти стены к поздней застройке участка.

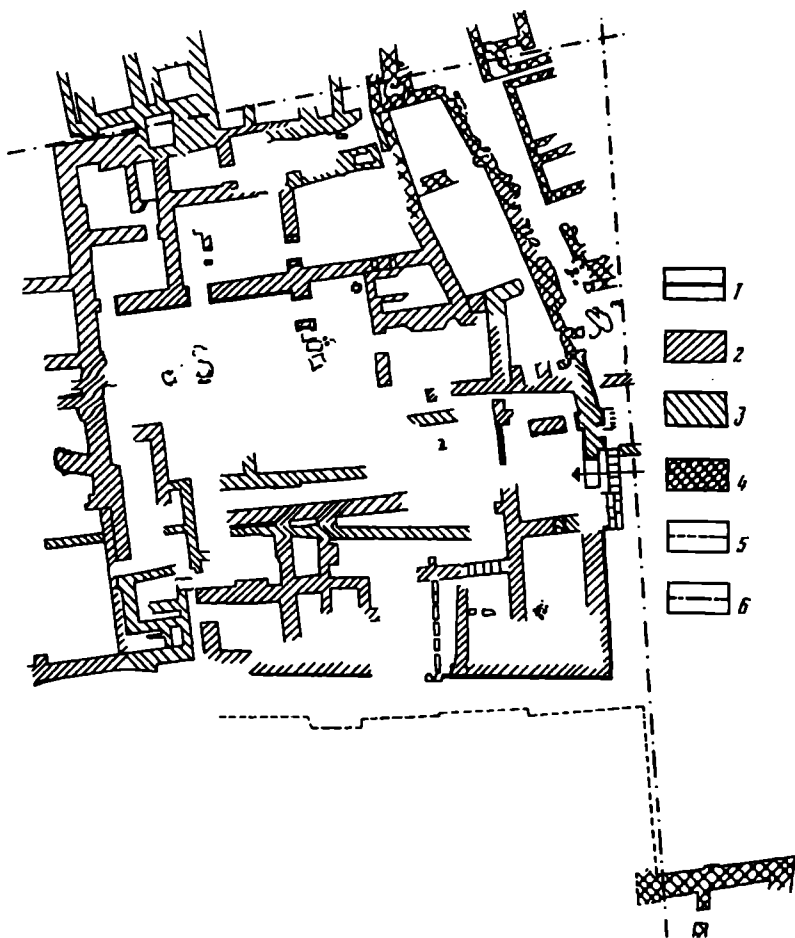

Рис. 2. Северный дворец. По E. et J. Lagarce // Syria. 1972. 49; 1973. 50: 1 – ортостаты; 2 – стены Северного дворца; 3 – стены, показанные на плане в Syria 50; 4 – стены, показанные на плане в Syria 49; 5 – линия стен Большого царского дворца; 6 – линия северной и восточной границ Северного дворца

находился прямоугольный вестибюль-распределитель (5×7 м), в каждой стене которого открывались проходы. Два из них, на западе и юге, были снабжены монолитными порогами; две двери на севере вели в небольшое вытянутое помещение, комнату охраны, по предположению Кл.Ф.-А. Шеффера⁶. Глухие стены вестибюля и внутренние простенки проходов были облицованы ортостатами, составляющими самую характерную черту архитектуры этого дворца.

Центральная двустворчатая дверь вестибюля, расположенная точно напротив входа и также с монолитным порогом, вела в прямоугольный зал, ориентированный перпендикулярно оси входа. Внутри дворца нет функционально идентифицированных помещений. Присутствие двух колонн, отделяющих северную треть зала при входе, придает ему торжественный, репрезентативный характер. За этим, по-видимому, официальным, помещением лежали внутренние покои дворца, сгруппированные вокруг просторного двора. С юга и с запада от него, как предполагает Кл.Ф.-А. Шеффер,

⁶ Schaeffer // Syria. 1970. 47. P. 212 f. Южное помещение, более просторное, он называет комнатой ожидания.

были административные помещения⁷, впрочем, во всем дворце не найдено ни одной таблички. Каким образом эти помещения и вестибюль входа были связаны со внутренним двором также неизвестно.

Лучше всего сохранилась стена, ограничивающая внутренний двор с севера. Ее плоскости, обращенные ко двору и вовнутрь трех отчетливо видных на плане проходов (все около 2 м шириной) были промазаны битумом и тоже покрыты ортостатами⁸. Покои, открывающиеся за этими проходами, просторны и отличаются более правильной формой по сравнению с другими помещениями дворца. Несколько ступеней лестницы, найденной в самой западной из этих комнат, позволили Кл.Ф.-А. Шефферу предположить существование второго этажа с окнами, выходящими во двор, где должны были размещаться царские апартаменты⁹. Других свидетельств того, что дворец мог быть двухэтажным, нет. Внутренний двор, состоящее из крупных залов восточное крыло и вестибюль главного входа, очевидно, составляли официальную зону Северного дворца.

Ортостаты, обнаруженные снаружи на восточной части южной стены и по обе стороны от главного входа¹⁰, составляют третью группу ортостатов Северного дворца, расположенных на внешних стенах, к ней относятся, по-видимому, и стены с ортостатами, включенные в Большой царский дворец. Эта восточная стена, если она действительно была внешним фасадом, выделяется в конструкции Северного дворца своей подчеркнутой надежностью и ритмичным рисунком вертикальных линий. Интересно, что две другие группы ортостатов Северного дворца обнаружены во внутренних помещениях и проходах. Возможно, что и пространство перед восточной стеной дворца было оформлено в виде большого внешнего открытого двора неправильной формы.

Наиболее вероятно, что покрытые ортостатами стены блока Н по другую сторону «Дворцовой улицы» принадлежали другому зданию, составлявшему единый комплекс с Северным дворцом и, возможно, носившим культовый характер¹¹. Какую роль облицованные ортостатами помещения и проходы играли в самом дворце, сказать нельзя, ясно, однако, что таким образом оформлялись особо значимые пространства и стены. Итак, можно реконструировать архитектурный ансамбль, включающий царскую резиденцию и культовое здание, обращенные к акрополю с главными городскими храмами, разделенные прямой улицей, но с общей площадью, обрамленной с запада выложенными ортостатами фасадами. «Дворцовая улица», уводящая вглубь дворцового квартала, была, вероятно, ориентирована на какую-то святыню царского культа, скрытую за репрезентативными зданиями. Существовало ли внутреннее святилище в самом дворе – неизвестно.

Архитектура Северного дворца с его строгой отделкой, нерегулярной планировкой и вероятным отсутствием второго этажа необычна для Угарита. Интересно, что Северный дворец был оставлен вне связи с какими-либо военными или природными потрясениями, вся утварь была из него вынесена, никаких попыток восстановить опустевшее здание не предпринималось. Постепенно на его территорию распространялась непримечательная жилая застройка.

По мнению Кл.Ф.-А. Шеффера¹², разрушение Северного дворца произошло после 1550 г. до н.э., и причиной внезапного и полного его запустения было землетрясение; это предположение, однако, не подтвердилось. Немногочисленная керамика, найден-

⁷ Ibid.

⁸ По данным новейших исследований битум в Угарите использовался исключительно как скрепляющее средство, другие два примера его применения относятся к периоду поздней бронзы. См. *Deschesne O.* Annexes: Exemples d'utilisations du bitume a Ras Shamra // Syria. 1990. 67. P. 29.

⁹ *Schaeffer* // Syria. 1970. 47. P. 212 f.

¹⁰ *Lagarce É. et J.* // Syria. 1973. 50. P. 297–309.

¹¹ Раскол в восточном конце Rue Royale, разделяющей на археологическом плане Угарита Северный и Большой царский дворцы, показывает, что вымостка улицы одновременно на южному фасаду Северного дворца (устное свидетельство проф. П.В. Хайдера). Таким образом, кажется вполне достоверным, что юго-восточный угол стены с ортостатами фиксирует юго-восточный угол дворца.

¹² *Schaeffer* // Syria. 1970. 47. P. 212; *Schaeffer* // Syria. 1972. 49. P. 29.

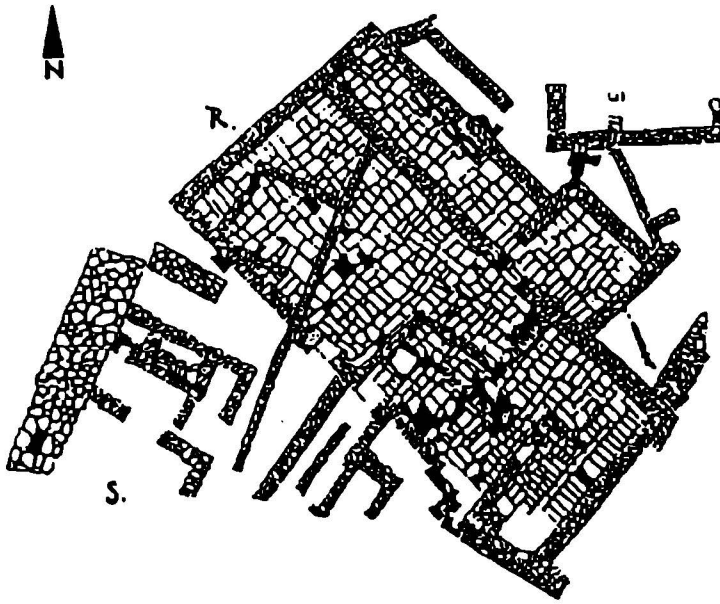

Рис. 3. Хурритское святилище и здание Тетрапиллона. По Cl. F.-A. Schaeffer // Syria. 1933. 14. Fig. 14

ная во дворе, датирована периодами UM 3 – UR 1 (между 1750 и 1450 гг. до н.э.)¹³. Переход от средней к поздней бронзе сопровождался сильным запустением Угарита, продлившимся около полувека (лакуна 1650–1600 гг. до н.э.)¹⁴ и сменившимся периодом активного строительства в северо-западной части города в конце XVI – начале XV в. до н.э. Если предположить, что возведение Северного дворца стало результатом оживления жизни Угарита, время существования этой резиденции должно быть сильно ограничено (не раньше 1600 и не позже 1500 г. до н.э.). Предшествующий лакуне слой UM 3 (стратум 5)¹⁵ в настоящее время достаточно полно документирован и содержит остатки архитектурных сооружений во всех важнейших кварталах города¹⁶. По всей вероятности, Северный дворец был построен еще в XVIII в. до н.э., в числе немногих других зданий пережил период упадка и был оставлен в эпоху начинающегося расцвета города ради новой, более пышной царской резиденции.

Под руинами построек позднего Угарита (после 1500/1450 г. до н.э.) прослеживаются здания, современные Северному дворцу. В непосредственной близости городского вала открыта группа монументальных сооружений – так называемое Большое здание, Тетрапилон и святилище (рис. 3). Их входы были обращены на юг, к новой царской резиденции. В составе позднего дворцового комплекса Угарита эти здания образовывали внешний круг служебных помещений, скрывавший внутри ядро – собственно дворец.

Тетрапилон¹⁷ обязан своим названием ряду из четырех квадратных столбов,

¹³ Lagarde É. et J. Syria. 1972. 49. P. 19.

¹⁴ Schaeffer // Syria. 1946–1948. 25. P. 185–190; см. также Courtois J.-Cl. Ugarit Grid, Strata, and Find Localizations. A Re-assurement // ZDPV. 1974. P. 105.

¹⁵ Ibid. P. 102.

¹⁶ Архитектурные руины средней бронзы найдены под зданиями северо-западного угла города, о чем см. ниже и на юге акрополя. Schaeffer Cl.F.-A. Neue Entdeckungen in Ugarit (23 und 24. Kampagne, 1960–1961) // AfO. 1963. 20. P. 206–215.

¹⁷ См. публикации: Schaeffer Cl.F.-A. // Syria. 1938. 19. P. 313–323; Saade G. Ras Shamra. Ruines d'Ugarit. Beyrouth, 1954. P. 113.

разделяющих его центральный зал (10×29 м). Четыре каменных корыта в примыкающем к залу коридоре (3×11 м) и еще одно, более крупное, вделанное в вымостку самого зала, послужили основой для предположения, что здесь размещались царские конюшни.

Небольшое (11×8 м) и достаточно скромно оформленное святилище¹⁸ с расположенными друг за другом вестибюлем и широкой целлой принадлежит к тому же типу, что и храмы на акрополе Угарита и датируется сходным образом¹⁹. Из всех построек на севере дворцового квартала это культовое здание представляется наиболее древним. В его целле, позади возвышения, к которому вели четыре каменные ступени, были найдены бронзовые статуэтки богов начала II тыс. до н.э. и ритуальный топор с железным лезвием XV–XIV вв. до н.э.²⁰ Медное навершие топора с овальным отверстием для рукоятки украшено рельефной фигуркой ползущего кабана, почти сливающейся с массивом обуха, и испещрена символическим орнаментом из треугольников и розетт в технике *дамаскирования*. Лезвие укреплено между двумя львиными головками, как бы изрыгающими его из своих разверстых пасть. Статуэтки, топор, а затем и все святилище были определены как хурритские. Атрибуция топора кажется логичной: его наиболее близкую аналогию мы находим в Эламе²¹. Подобные мотивы встречаются и в хеттских памятниках второй половины II тыс. до н.э.; сам же он скорее всего был выполнен в местной мастерской²². Уникальное соединение в одном памятнике столь различных характеристик неизбежно приводит к мысли о хурритских мастерах, работавших в Угарите (куда они, возможно, переселились из Анатолии), по всей вероятности, знакомых с системой художественных образов горных районов Месопотамии. Сплошь покрывающий навершие топора символический орнамент дает дополнительное свидетельство в пользу данной атрибуции, так как «боязнь пустоты» является, пожалуй, единственным надежным отличительным признаком хурритской глиптики.

О хурритской культовой архитектуре известно очень мало²³, название «Хурритское святилище», которым обычно обозначался этот небольшой храм, остается условным. В северо-западном квартале города это святилище должно было играть роль дворцовой капеллы²⁴, возможно, именно к нему направлялись процессии, проходившие по «Дворцовой улице». Однако оно удалено от дворца на 35 м и не относится к типу непосредственно примыкающего или включенного в структуру царской резиденции храма²⁵.

В начале XV в. до н.э. все вышеупомянутые постройки были обновлены на фундаментах предыдущего слоя и, очевидно, сохранили изначальную планировку и назначение. Большое здание²⁶, по-видимому, не имеет более древних предшественников.

¹⁸ См. публикации: *Schaeffer*. // *Syria*. 1938. 19. P. 313–323; *Ugaritica*. 1939. I. P. 126; *Tarragon J.-M. de. Temples et pratiques rituelles* // *RSO*. 1995. XI. P. 203–210.

¹⁹ Более точной датировки для главных храмов Угарита, чем «средняя бронза – поздняя бронза» не существует. Возникновение храмов возводят к периоду UM 2 1900–1750 гг. до н.э., предполагается, что они сохранились без особенных изменений вплоть до окончательного разрушения города около 1185 гг. до н.э.

²⁰ Датировка дана Кл.Ф.-А. Шеффером при публикации в *Ugaritica*. 1939. I. P. 107–124. Pl. XXII.

²¹ Ср. серебрянный ритуальный топор XIII в. до н.э. из святилища к северу от зиккурата в Чога-Замбиле, рукоятка которого украшена фигуркой кабана из электры, лезвие «изрыгает» лев. См. *Amiet P. Elam. Auvvers-sur-Oise*, 1966. Fig. 265.

²² В Минет эль-Бейда было найдено навершие штандарта – бронзовый сокол с уреем в лапах, также украшенный гравированным рисунком, заполненным золотой проволокой (XV–XIV вв. до н.э.). Этот памятник демонстрирует типичное для Угарита соединение египетской иконографии, лаконичных сирийских плотных форм и изысканной проработки деталей.

²³ В. Андрэ (*Andrae W. Das Wiederstehende Assur*. München, 1977. S. 176. Anm. 41) называет «хурритским» храм с широкой целлой и алтарем у боковой стены – тип, не встречающийся в Угарите.

²⁴ См. *Tarragon*. *Op. cit.*

²⁵ Подобно дворцовым храмам в Телль-Браке (2,5 м) и Алалахе (10 м).

²⁶ Во французских изданиях иногда фигурирует под названием «дворец королевы-матери». См. публикации: *Schaeffer* // *Syria*. 1938. 19. P. 313–323; *Margueron J.* // *Syria*. 1977. 54. P. 151–188; *Saade*. *Op. cit.* P. 114 f.

План этого сооружения, наиболее удаленного от дворца, из-за эрозии склона, к сожалению, не может быть полностью восстановлен; в нем обнаружена подземная гробница, два проема в северной стене открывались на городской вал, к зданию примыкали продовольственные склады и мастерские. Возможно, это была резиденция лица непосредственно приближенного ко двору²⁷. Открытое вовне, оно должно было быть построено в тот период, когда защите города от внешней опасности не придавалось такого большого значения.

Таким образом, кажется правдоподобным, что и во времена Северного дворца царская резиденция не представляла собой изолированного здания, но в качестве ядра дворцового квартала была окружена второстепенными постройками, вмещавшими некоторые, выведенные за пределы собственно дворца, службы. Основные компоненты этого квартала были сохранены и включены в состав дворцового комплекса позднего Угарита, так что даже так называемое святилище сохранило свое назначение дворцовой капеллы при новом дворце.

2. НОВЫЙ ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС

Новый дворец, известный под названием Большого царского²⁸ (рис. 4), был перенесен на окраину телья и значительно превзошел старый по размерам²⁹. Дата его гибели, совпадающая с окончательным разрушением города около 1200 г. до н.э., определяется более или менее точно, благодаря необожженным табличкам, найденным во дворе V. Дворцовые архивы охватывают по крайней мере два века. Дата оставления Северного дворца, камни из стен которого были использованы для строительства новой резиденции³⁰, создает *terminus post que*. В описании этапов строительства Большого царского дворца Кл.Ф.-А. Шеффер³¹ не определяет их хронологически, Ж. Лагарс³², однако, датирует его древнейшую часть (А, или вернее А-Е) 1450–1400 гг. до н.э., и это заключение, очевидно, сделано на основе исследований Кл. Ф.-А. Шеффера³³. Такая датировка оставляет хронологическую паузу примерно в 50/100 лет между запустением старого и возведением нового дворца³⁴. Последовательность археологических слоев в Угарите, как мы уже видели, свидетельствует, что этот перерыв не был связан с временным кризисом в жизни города.

²⁷ Название «дворец королевы-матери» может быть воспринято лишь как условное. Слишком ярко выраженные хозяйственные функции свидетельствуют также против того предположения, что здесь могла находиться резиденция сына царя и наследника. Кл.Ф.-А. Шеффер (*Syria*. 1938. 19. P. 319), видимо, правильно интерпретирует Большое здание как часть аристократического жилого квартала XV в. до н.э.

²⁸ *Ugaritica* 1962. IV. P. 1ff.

²⁹ Кл.Ф.-А. Шеффер (*Schaeffer CL.F.-A. Résumé de résultats de la XVIII-e campagne de fouilles de Ras Shamra-Ugarit // AAAS. 1954–1955. 4/5. P. 149–163*), сообщает, что площадь Большого царского дворца в Угарите превышает 9000 м²; эта цифра фигурирует также в кн.: *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита XIV–XIII вв. до н.э. М., 1987. С. 11, где угаритский дворец по своим значительным размерам противопоставляется дворцам в Алалахе и Хаттусе. По-видимому, подразумевается площадь всего дворцового квартала. Ж. Маргерон (*Margueron J. Les palais syriens à l'âge du bronze // Le système palatial en Orient, en Grèce et à Rome. Actes du Colloque de Strasbourg 19–22 juin 1985. Strasbourg, 1987. P. 127–158*) приводит цифру 6500 м² и рассматривает угаритский дворец в числе трех других крупных сирийских дворцов в Эбле (дворцы G и Q) и в Катне.

³⁰ *Schaeffer // Syria*. 1970. 47. P. 212.

³¹ *Ugaritica*. 1962. IV. P. 9–15.

³² *Laгарce J. // Syria*. 1984. 61. P. 153–179.

³³ *Schaeffer // Syria*. 1972. 49. P. 27–34.

³⁴ Керамические находки, датированные периодом UR I без какого-либо уточнения, могли бы позволить продлить существование Северного дворца примерно до 1450 г. до н.э., т.е. до начала строительства Большого царского дворца. Тем не менее авторы общих работ по архитектуре Угарита придерживаются более ранней датировки – 1750–1600 гг. до н.э. (см. *Hunt G. Bronze Age Ashlar Masonry in the Eastern Mediterranean // Studies in Mediterranean Archaeology. V. LXVI. Goeteborg, 1983. P. 26; Ras Shamra 1929–1979. Lyon, 1979. P. 23–25*), которая соответствует и нашему предположению.

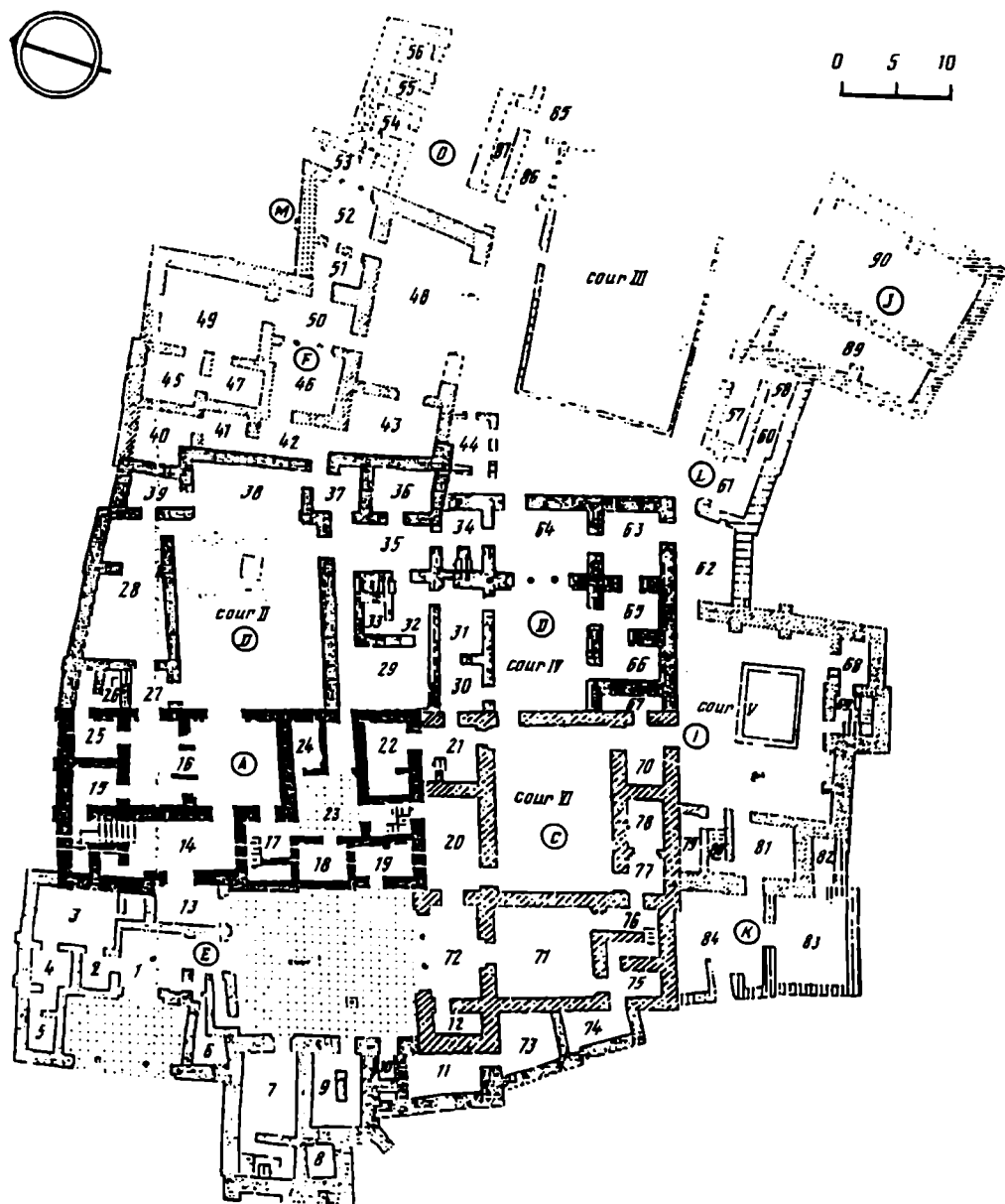

Рис. 4. Большой царский дворец. По Ugaritica. 1962. IV. Fig. 20

Возведение новой резиденции в стороне от Северного дворца, но в то же время вблизи него требует объяснения. Поскольку северный склон холма сильно пострадал от эрозии и, очевидно, не один раз осыпался³⁵, можно предположить, что северная граница города в эпоху существования Северного дворца ближе подходила к ручью Нахр эль-Фидд³⁶ и была на расстоянии до 100 м от обозначенного на плане склона.

³⁵ Yon M. Ugarit: The Urban Habitat – The Present State of Archeological Picture // BASOR. 1992. 286. P. 23.

³⁶ Ручей разделяется на северный (Nahr Chbaayeb) и южный (Nahr ed-Delbe) рукава. Археологической миссией под руководством М. Йон были обнаружены следы древних переправ (мостов) через этой ручей. Следовательно, можно предположить, что его русло практически не изменялось.

Северный дворец находился, таким образом, практически в центре северо-западной части холма и на одной линии с храмами акрополя, на которые, очевидно, был ориентирован его главный восточный фасад. Осыпи, изменившие очертания холма, могли стать причиной переноса царской резиденции на новое место – подальше от опасного склона и поближе к переместившемуся на юг топографическому центру западной части города.

Можно предположить, что оставление Северного дворца было вызвано сменой политической и общей культурной ориентации Угарита в момент, когда хурритское население города составляло значительный процент, а соседние города – Халеп и Алалах при Идри-Ми – примкнули к митаннийскому союзу. Следы присутствия хурритов обнаруживаются здесь уже в последней трети III тыс., если следовать традиции отождествляющей с хурритским населением создателей керамики Хирбет Керак. Эти сосуды с черно-красной лощеной поверхностью, украшенные рельефными орнаментами, предположительно происходят из Закавказья и около 2700 г. до н.э. распространяются в Анатолии и Западной Сирии, вплоть до Палестины. Этот ареал приблизительно соответствует территории расселения западной ветви хурритов, достаточно рано отделившейся от основной группы, осевшей в Северной Месопотамии, восточнее Тигра на рубеже III и II тыс. до н.э.³⁷ Таким образом, обнаруженная в Угарите в слое 8 (UA 3, 2300–2100) и по некоторым указаниям сохраняющаяся до 1750/1600 г. до н.э.³⁸ керамика типа «shiny slip», одна из разновидностей хирбеткеракской, оказывается весьма неверным доказательством. И все же, вполне естественно ожидать, что хурриты или родственные им этнические группы, уже в начале их распространения в Восточном Средиземноморье не миновали такого космополитического приморского торгового центра, каким был Угарит.

Более достоверные сведения о хурритах в Угарите появляются, начиная с середины XVIII в. до н.э. На северном склоне акрополя, у самой границы телья в пределах так называемого гиксосского города (*ville basse est*), в слое 1750-х – 1650-х годов до н.э. (стратум 5, UM 3) было найдено несколько гробниц, с хурритским, по мнению Кл. Ф.-А. Шеффера³⁹, оружием и инвентарем. Фрагменты бронзового оружия⁴⁰, аналогичного оружию Нузи, обнаружены также в царских конюшнях в северо-западном квартале города (XV–XIV вв. до н.э.). Само место находки подтверждает предположение о том, что эти предметы имели хурритское происхождение. Благодаря текстам *Horse tablets*⁴¹ из Богазкёя и сведениям о коннице марианну, составлявшей ядро индоарийской миграционной волны (середина II тыс. до н.э.)⁴², хурриты давно получили репутацию знатоков лошадей и искусных наездников.

В эпоху позднего Угарита свидетельств хурритского присутствия становится особенно много. Практически во всех библиотеках города и во дворцовых архивах⁴³ в том

³⁷ О хурритах восточнее Тигра и их древней столице Уркиш см. *Hrouda B. Zum Problem der Hurriter // MARI. 1985. 4. P. 595–615; Astour M. Semites and Hurrians in Northern Transjordan // Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians. V. 2. General Studies and Excavations at Nuzi 9/1. Winona Lake, 1987. P. 3–68. По-видимому, в Малой Азии и на средиземноморском побережье хурриты появляются все же позже, чем керамика Хирбет Керак.*

³⁸ *North R. Ugarit Grid, Strata, and Find Localizations // ZDPV. 1973. 89. P. 113–160.*

³⁹ *Syria. 1939. 19. P. 205–255. Его точка зрения в свое время была поддержана Р. де Во (Vaux R. de. Review of Syria 19 (1938) // RB. 1940. 49. P. 251), который позднее отказался от традиционного отождествления хурритских и гиксосских воинов (RB. 1967. 74. P. 481–503). Речь идет, впрочем, о слое гиксосского времени и о типичных для хурритов керамике и оружии.*

⁴⁰ *Schaeffer // Syria. 1938. 19. P. 316.*

⁴¹ *Kammenhuber A. On Hittites, Mitanni-Hurrians, Indoarians and Horse tablets in the II-nd mil. BC // Essays on Anatolian Studies in the 2nd mil. BC. Wiesbaden, 1980. P. 35–51. Тексты, посвященные искусству обучения лошадей для боевых колесниц, датируются около 1350–1200 г. до н.э. Интересно, что в самом Угарите найдены тексты о врачевании лошадей, написанные на угаритском языке. См. *Pardee D. // RSO. 1986. II.**

⁴² *Na'aman N. Syria at the Transition from the Old Babylonian Period to the Middle Babylonian Period // UF. 1974. 6. P. 265–274.*

⁴³ Хурритские тексты представляют собой би-, три- и квадра-лингвы, а также чисто хурритские записи в

или ином виде присутствуют хурритские мифологические и ритуальные тексты, списки жертвоприношений и магические записи. Два здания, одно на южном склоне акрополя (так называемого Hurrian Priest or Omen House, или дом жреца-предсказателя⁴⁴) и в северо-западном квартале (уже упоминавшееся святилище) были интерпретированы как хурритские храмы⁴⁵. Многоязычные списки богов позволили установить в известной степени отождествление главы хурритского пантеона Кумарби и Эля, хурритского бога грозы Тешуба и угаритского Баала⁴⁶. Религиозная ситуация в городе в этот момент характеризуется симбиозом (но не синкретизмом) хурритских и западносемитских культов. В отличие от Алалаха на северо-востоке, где хурритское население достигало более 50% и царства Амурру на юге, где правили цари с хурритскими именами⁴⁷, в Угарите хурриты так и не заняли основных политических позиций.

Наличие некоторого количества хурритских имен, вошедших в моду в Сирии в период усиления Митанни, и указания на отправление некоторых хурритских ритуалов, не может свидетельствовать об особой роли хурритов в угаритской культуре, подобно тому как присутствие египтизированных орнаментов в угаритском прикладном искусстве в поздний период (с середины XIV в. до н.э.) больше не отражает проегипетской ориентации государства. Довольно равно появившиеся в этой части Сирии и осевшие в городе хурриты, хотя и не составляли чужеродного городскому населению элемента, но и не превосходили своей численностью и влиянием другие меньшинства, например колонии эгейских купцов. Возведение резиденции на новом месте могло быть вызвано сменой правящей династии и стать выражением идеологии новых царей, утвердившихся на престоле и не нуждавшихся в символах преемственности и наследственного перехода власти.

Найденный в Угарите список царей KTU 1.113, однако, подтверждает непрерывность царской династии в течение практически всего II тыс. до н.э.⁴⁸ Текст список записан в двух колонках; имена 18 царей следуют друг за другом в хронологическом порядке, в начале и в середине списка отсутствуют 12 имен. Предполагается, что список не включает имени последнего царя Угарита 'Аммурапи и что в середине его было утрачено несколько строк⁴⁹. Традиционно⁵⁰ список прочитывался в обратном порядке, начиная с последней строчки правого столбца; основателем династии считался Йакарум, сын Никм-Адду, правивший соответственно около 1900/1800 г. до н.э.⁵¹

В последней публикации угаритского царского списка была предложена его новая интерпретация: список следует читать сверху вниз, начиная с правого столбца, предположительно три верхние строчки утрачены⁵². Правление Йакарума в этой реконст-

алфавитной угаритской или слоговой аккадской передаче; они обнаружены в восточных архивах Большого царского дворца, в Южном дворце, в доме Рапану, в доме жреца на Акрополе. См. публикации: Ugaritica. 1963. V. P. 448–554; RSO. 1989. V. P. 85–97.

⁴⁴ См. публикации Кл.Ф.-А. Шеффера (AfO. 1963. 20. P. 206–215; Ugaritica. 1969. VI. P. 91–119).

⁴⁵ Эта условная идентификация основывалась в первом случае на обилии хурритских текстов, а во втором на интерпретации найденных в святилище предметов, о чем говорилось выше, т.е. на косвенных данных. Ж.-М. де Таррагон (op. cit.) отрицает возможность найти в Угарите чисто хурритское святилище.

⁴⁶ Salvini M. Ougarit et les hourrites // RSO. 1995. XI. P. 89–97.

⁴⁷ Ibid. P. 91–92.

⁴⁸ При продолжительности царствования от 15 до 20 лет 30 царей списка (по количеству строк) могли править от 450 до 600 лет. Угарит был разрушен около 1185 г. до н.э., царь, первым упомянутый в списке долен был править не позже 1635 и не раньше 1785 г. до н.э.

⁴⁹ К.А. Китчен (Kitchen K.A. The King List of Ugarit // UF. 1977. 9. P. 136–139) реконструирует в середине списка два имени для короткой и три для длинной хронологии. В таком случае 32 или 33 царя, правивших до 'Аммурапи, правили между 1680/1695 или 1840/1860 и 1200 гг. до н.э.

⁵⁰ См. в первую очередь Kitchen. Op. cit.

⁵¹ Правление Йакарума К.А. Китчен датирует вслед за Кл. Ф.-А. Шеффером (PRU. 1955. III. P. XXXVI–XXXVII, XL–XLIII. P. 16–17), опубликовавшим печать с именем этого царя, найденную в Большом царском дворце, см. PRU. 1955. III. P. 40f; Ugaritica. 1956. III. P. 66 f.

⁵² Aboud J. Die Rolle des Königs und seiner Familie nach den Texten von Ugarit. Münster, 1994. Согласно его

рукции списка царей с достаточно условным подсчетом дат приходится на около 1700 г. до н.э. Эта более поздняя датировка позволяет отождествить Йакарума с персонажем, о котором в письме Хаммурапи, царя Халеба, к Зимри-Лиму, говорится, что он ищет возможность посетить знаменитый дворец в Мари⁵³. Кл.Ф.-А. Шеффер первым высказал предположение, что этот царь и был обитателем Северного дворца⁵⁴. Действительно, интерес, проявленный им или другим представителем той же династии к знаменитому дворцу в Маря мог быть вызван строительством собственной резиденции.

Независимо от того, был ли Йакарум основателем новой династии угаритских царей или лишь одним из ее более поздних представителей, новый дворец был построен одним из его потомков в тот момент, когда старая резиденция перестала соответствовать масштабам и требованиям царской деятельности. Возведение Большого царского дворца в Угарите совпадает со временем записи и соответственно канонизации угаритского эпоса, в котором важную роль играют мифические цари Карату (Керет) и ДанниИлу. Очевидно, в то же время произошло окончательное оформление царского культа, что могло стать реальной причиной сооружения нового дворца и продиктовать некоторые особенности его внутренней организации.

Практически все цари в списке носят западносемитские имена, пять из которых ('Аммурапи, Никм-Адду, Ибирану, Никм-Эпа, Аммистамру) постоянно повторяются. Исключения составляют Йакарум (в нижней строчке правого столбца – R 15), Йадхир'адду (R 6) и Ар-Хальбу (L 9)⁵⁵. Последний из этих царей – единственный представитель угаритской династии, носящий хурритское имя⁵⁶. Ар-Хальбу правил очень недолго и был бездетен, сохранился текст, называющий его единственным наследником его брата Никм-Эпу⁵⁷.

Этот факт реальной истории Угарита носит отпечаток той же темы, что звучит в эпосе о Карату⁵⁸, потерявшем свою семью и ищущем совета и помощи у верховного бога Эля. Угарит в эпосе не упоминается, действие происходит, по всей вероятности, в то время, которое правителями позднего Угарита воспринималось как начальный период истории города. Анализ текста показывает, что создание эпоса восходит к концу III тыс. до н.э.⁵⁹: Карату именуется мужем Дитану, т.е. является представителем известного аморейского племени, происходившего из Северной Месопотамии; город *ḥbr*, в котором он правил, должен был находиться на р. Хабур⁶⁰.

В угаритских текстах термин «Дитану» (Dtn/Ddn) употребляется в связи с ритуалами, посвященными чествованию рапантов (*grum*), духов или теней, приходящих из

подсчетом, основанным на средней продолжительности правления, увеличенной до 22 лет, первый царь угаритского списка должен датироваться около 2150 г. до н.э.

⁵³ Согласно Дж. Абуду (*Aboud. Op. cit. P. 9*), письмо от Хаммурапи, царя Халеба Зимри-Лиму должно датироваться не раньше 1717 г. (начало правления Зимри-Лима) и не позже 1698 г. абсолютная дата падения Мари), см. *Zeeh F. Tell Leilan und die Gründung des altbabylonischen Alalah // UF. 1991. 23. P. 402.*

⁵⁴ Если, как следует из царского списка, угаритская царская династия II тыс. до н.э. (так называемая династия Йакарума) не прервалась периодами запустения города, наша приблизительная датировка Северного дворца XVIII–XVI вв. до н.э. верна.

⁵⁵ А также царь Пурукку, имя которого в списке не сохранилось, но известно по угаритским текстам, см. PRU. 1955. III. P. XXXVI–XXXVII, XL–XLIII. P. 16–17.

⁵⁶ См. *Liverani M. L'élément hourrite dans la Syrie du Nord // RHA. 1978. 36. P. 149–156.*

⁵⁷ RS. 16. 144 (PRU. III, 76), см. UF. 15 (1983). P. 317.

⁵⁸ KTU 1.14, 1.15, 1.16.

⁵⁹ См. *Шифман И.Ш.* Угаритский эпос. М., 1994. С. 11. Датировка на основе двух фактов: *terminus ante quem* – упоминание Угарита в архивах Эблы (конец III тыс. до н.э.); *terminus post quem* упоминание в самом тексте лошадей (середина III тыс. до н.э.).

⁶⁰ *Astour M. A North Mesopotamia Locale for the Keret Epic? // UF. 1973. 5. P. 29–39.* Локализация событий эпоса в хурритской области соответствует упоминанию в тексте соседнего города Удумми и принцессы, Деве-Хурритянки, которая должна стать новой женой Карату. См. также *Astour. Semits...*

загробного мира. Согласно тексту КТУ 1.161, «сообщество Дитану»⁶¹ объединяет пять царей, имена которых не встречаются в царском списке. Предположительно, они относятся к древней династии Угарита, основанной преемником Карату, и правившей между 2100 и 1900 гг. до н.э.⁶² Более вероятно, что как и Карату, они были только мифическими героями, древними царями-предками, покровительствовавшими историческим царям⁶³. Титул «мужа рапаитского», «мужа харнамийского», прилагающийся в угаритских эпосах к царям Карату и ДанниИлу, обозначает связь с загробным миром.

Древним царям-рапаитам были адресованы жертвоприношения, описанные во многих угаритских текстах (КТУ 1.20–22; 1.108, 1.161); поклонение им отразилось в создании комплекса подземных царских гробниц вблизи внутреннего двора II в северной части Большого царского дворца⁶⁴. Здесь в присутствии статуй рапаитов и бога Эла⁶⁵ должны были проходить погребальные трапезы *mrzḥ* и возлияния вином. Возможно, культ рапаитов в Угарите сложился только в середине II тыс. до н. э., в Сирии он известен уже в конце III тыс. до н. э.⁶⁶

Само расположение дворца, сдвинутого к западной границе холма, к городскому входу, находит возможное объяснение в том отрывке из рассказа об Акхите, где царь ДанниИлу описывается вершащим свой справедливый суд – одна из важнейших функций царя на древнем Востоке – у городских ворот:

тогда ДанниИлу, муж рапаитский,
то(гда)-то витязь, муж харнами[йский],
поднялся, сел у входа в ворота
под могучим (деревом), что на площади.
Он решал по праву дело вдовы,
разбирал по закону тяжбу сироны⁶⁷.

В XIII в. до н. э. строительство Большого царского дворца было завершено. Дворцовый квартал заполнил весь северо-западный сектор города (ок. 10.000 м²), включив

⁶¹ Astour. A Northern Mesopotamian... P. 29–39; *Kitchen. The King List...* P. 131–142; Wyatt N. A Suggested Historical Context for the Keret Story // UF. 1983. 15. P. 316–318.

⁶² *Kitchen. The King List...* P. 141.

⁶³ Неясно, однако, оказывалось или это покровительство царю на протяжении всей его жизни или рапаиты призывались для совершения ритуала царского погребения. См. *Pardee D. Visiting Ditanu. The text of RS 24.272* // UF. 1983. 15. P. 127–140; *Del Olmo Lete G. The «Divine Names» of the Ugaritic Kings* // UF. 1986. 18. P. 83–95; *Aboud. Die Rolle...* S. 157–165.

⁶⁴ Эти гробницы датируются XV–XIV вв. до н.э. (*Schaeffer Cl.F.-A. // Syria. 1951. 28. P. 16. Fig. 8*), более древних царских гробниц в Угарите не найдено. В этой интересна случайная фраза *Кл.Ф.-А. Шеффера* (AAS.1952. 2. *Agabic Part. P. 127 f.*) о том, что царский некрополь в Большом царском дворце восходит к началу I тыс. до н.э.

⁶⁵ О культе рапаитов в Угарите см. *Hallo W.W. Royal Ancestor Worship in Biblical World* // FS Talmon. P. 381–402, особенно 384 f. Среди памятников скульптуры, открытых в Угарите, кажется нет ничего, что можно было бы интерпретировать как статуи рапаитов, но известна статуэтка сидящего на троне бога Эля. бронзовая, с золотыми накладками (найдена в Южном городе в тайнике мастерской ювелира; см. *Schaeffer. Resume...* P. 149–163).

⁶⁶ Самые ранние свидетельства о *mrzḥ* мы находим в Эльбе (*Archi A. Die erste zehn Konige von Ebla* // ZA. 1986. 76. P. 213–217) и в Мари (*Dietrich M., Loretz O. Totenverehrung in Mari (12803) und Ugarit (KTU 1.161)* // UF. 1980. 12. P. 381), где этот ритуал известен под академским названием *kispu*.

⁶⁷ *Шифман. Угаритский эпос. С. 162*: «В Библии "приходящие к воротам города" – это лица, участвовавшие в народном собрании, происходившем у ворот, а сам термин ворота (לַא 'ar) употребляется как одно из обозначений города – гражданского коллектива [*Speiser E.A. "Coming" and "Going" at the City Gate* // *Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967. P. 83–88*]. В угаритской документации (PRU. IV. 18. 115) параллельно с "людьми", т.е. гражданами данного города упоминаются "люди ворот их" (*qadu amili sa ba-bi-pu*); сопоставление с повествованием "Об Акхите" позволило высказать предположение, что "люди ворот" – это должностные лица общины [*Шифман И.Ш. "Люди ворот" и "отцы" в Угарите* // *История и филология древнего Востока. М., 1976. С. 49–53*]. В любом случае, однако, то, что ДанниИлу выполняет свои функции у городских ворот, соответствует обычаям доэллинистического переднеазиатского Средиземноморья».

комплекс репрезентативных зданий на севере и Южный дворец⁶⁸ (1250–1200), представлявший собой резиденцию некоего Ябнину (Yabninu), аккадца, ведавшего внешними сношениями Угарита⁶⁹. Архивы Южного дворца содержат документы по управлению делами выходцев из ливанских портов и восточных областей, как в составе Угаритского царства, так и за его пределами; по импорту металла, судостроению и организации флота. Его план сопоставим с планами крупных угаритских построек, принадлежащих важным государственным лицам, но не царю. Очевидно, вместе с сооружениями на северо-западном краю холма Южный дворец принадлежал к зданиям-сателлитам, дугой окружавшим собственно царскую резиденцию и вмещавшим важнейшие административные службы и жилища непосредственно занятых во дворцовом хозяйстве людей: структура, характерная для древневосточных городов в целом⁷⁰.

3. ПРОБЛЕМА ОСНОВНОГО ГОРОДСКОГО ВХОДА

Ориентация главного входа Большого царского дворца на запад, вовне города, стала причиной радикальной перестройки укреплений. Сооружение новой цитадели⁷¹ в середине XV в. до н. э. началось с постройки мощной квадратной башни, ставшей опорой для крепостной стены из ровных каменных блоков (до 1,4 м длиной) и гласиса. В стене был проложен подземный коридор, открывающийся с одной стороны потерной, а с другой – лестницей, которая поднимается к внутренней площадке цитадели. Этот подземный ход – единственный достоверно известный проход в крепость (и далее, в город) для того времени. Согласно М. Йон⁷², этот вход в город вел только к дворцам, главный городской вход предположительно располагался на южном склоне холма, там, где обнаруживается глубокая впадина в его рельефе или на северном склоне. В обоих случаях предположительное место входа практически уничтожено эрозией, но сохранились следы переправ через рукава ручья, огибающего холм.

Городские ворота этого времени не обнаружены, однако, Лагарс⁷³ указывает на остатки стен (46, 47 и 54), которые могли им принадлежать. Если проследить направление этих стен и связать их с каменной дверной втулкой, лежащей напротив стены 45, восстанавливается контур коридора с двойным поворотом и двумя толстыми (1–2 м) стенами, ведущего от башни к вестибюлю Большого царского дворца (рис. 5). Другую возможность найти более крупный проход, связывающий здания северо-западного квартала с внешним миром, предоставляет Большое здание с его выходящими на северный вал дверьми (или окнами). Комплекс оборонительных сооружений дворца, и здания к северу от царской резиденции, вплотную подходившие к укрепленным городским стенам, обозначили западную границу дворцового квартала. Переход к кварталам резиденций знати на юге и на востоке и к достаточно скромной жилой застройке, распространившейся к этому времени на территорию заброшенного Северного дворца был менее резким.

В середине XIV в. до н. э. цитадель подверглась значительным перестройкам. Подземный вход был заложен, от башни остались только фундаменты, по-прежнему составлявшие опору крепостного вала. Сам вал, возможно, был отодвинут дальше на запад, так как на гласисе были обнаружены руины двух двухэтажных домов⁷⁴. Эту

⁶⁸ Южный или малый дворец раскапывался в 1955–1956, 1964 гг. См. Ugaritica. 1962. IV. P. 121–147.

⁶⁹ Courtois J.-Cl. Yabninu et le palais sud d'Ougarit // Syria. 1990. 67. P. 103–141.

⁷⁰ Здесь подразумевается агглютинирующая модель города, в отличие от централизованной, распространенная в североассирийских городах (например, Ашшур).

⁷¹ Укрепления северо-западной части холма были открыты в ходе 10–11 кампаний, см. публикации Кл.Ф.-А. Шеффера (Schaeffer // Syria. 1939. 20. P. 288–291), раскопки крепости были продолжены в 1950 г. (idem. Syria. 1951. 28. P. 4–7); план и реконструкцию цитадели см. Lagarce J. // Syria. 1984. 61. P. 153–179.

⁷² Yon. Op. cit. P. 25 f.

⁷³ Lagarce J. // Syria. 1984. 61. P. 166.

⁷⁴ Ibid. P. 167. Появление на городских валах зданий не фортификационного характера во второй

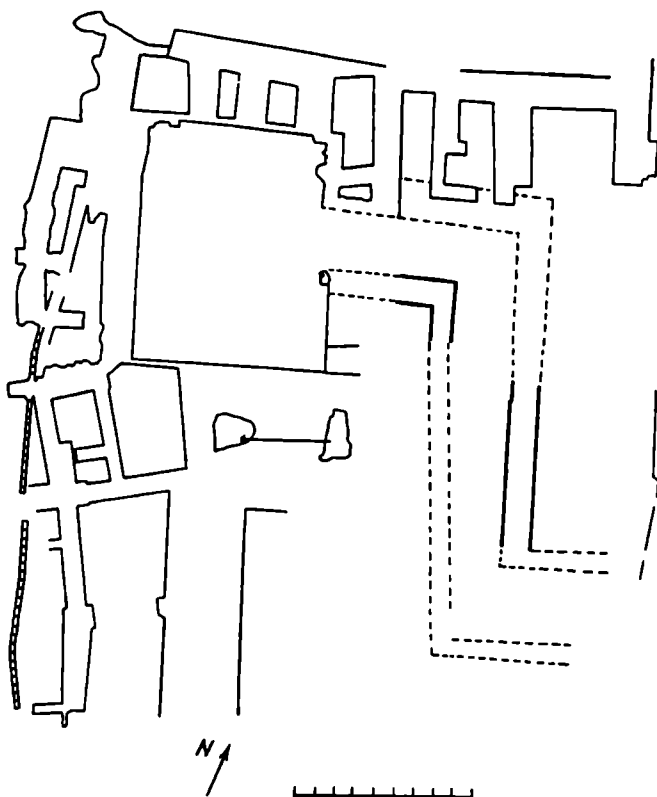

Рис. 5. Цитадель до 1364 до н.э. с гипотетическим планом древних ворот. По J. Lagarce // Syria. 1984. 61

реорганизацию цитадели Кл. Ф.-А. Шеффер объясняет землетрясением 1365 г. до н. э., сопровождавшимся наводнением и пожаром. В то же время, из угаритских архивов (PRU 1956.IV. P. 48, RS 17.840, 1) известно, что в 1364 г. до н. э. Угарит стал жертвой нападения коалиции северо-сирийских государств, восставших против Хеттского царства. «И Угарит, крепость царя, разрушил огонь; половину его он пожрал и другой половины его нет»⁷⁵. Действительно, практически все здания дворцового квартала сохранили следы пожара и последовавших за ним восстановлений.

После того как Суппилулиума разгромил эту коалицию, Угарит признал хеттское господство и практически не изменял вассальным отношениям с Хеттским царством вплоть до своего падения⁷⁶. На протяжении всего XIV в. до н. э., до неблагоприятного договора с Мурсилисом II (1344–1320)⁷⁷, Угарит стремительно развивался, подчиненная городу территория постоянно увеличивалась, полная казна и балансирование между Египтом и Хеттским царством позволяли избежать непосредственного участия в военных конфликтах.

После перестроек середины XIV в. до н. э. вход в город с западной стороны, откуда

половине II тыс. до н. э. находит аналогии в Месопотамии, см. Oates D. Walled Cities in Northern Mesopotamia in the Mari Period // MARI. 1985. 4. P. 588.

⁷⁵ Цит. по кн.: Kinet D. Ugarit – Geschichte und Kultur einer Stadt in der Umwelt des Alten Testaments. Stuttgart, 1984. S. 34. Anm. 52.

⁷⁶ Вассальные договоры с Суппилулиумой: первый – PRU. 1956. IV. P. 32 f. RS 17.340 rev. 8'–11', второй – PRU. 1956. IV. P. 40–44. RS 17.227 и дубликаты – ibid. P. 20–37.

⁷⁷ PRU. 1956. IV. P. 85–101; PRU. 1970. VI. P. 127–129, фрагменты.

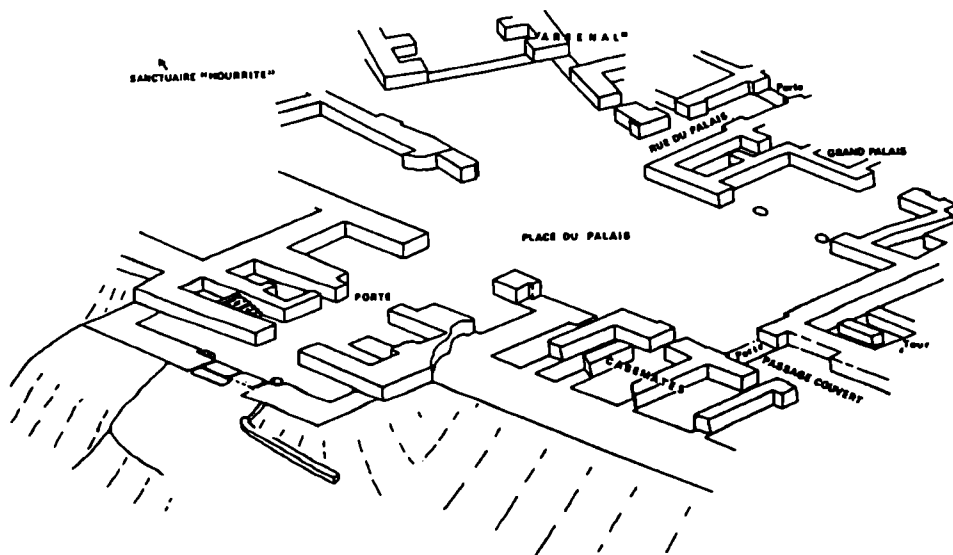

Рис. 6. Цитадель XIII в. до н.э. По J. Lagarce // Syria. 1984. 61. Fig. 19

вела дорога в недавно (ок. 1400) возникшую гавань Минет-эль-Бейда, должен был иметь важное значение. Это предположение подтверждается тем фактом, что западный архив дворца, помещавшийся в пяти небольших комнатах слева от входа, содержал административные документы – списки налогов, работников, воинов, относящиеся как к самому Угариту, так и ко всему Угаритскому царству⁷⁸.

В XIII в. до н. э., на заключительном этапе оформления цитадели⁷⁹, были сооружены новые городские ворота с центральным проходом, фланкированным крупными поперечными выступами. С внешней стороны к воротам подводил изогнутый пандус. Между крепостью и дворцом возникла площадь, с хорошо читаемой центральной осью: ворота – «Дворцовая улица» (рис. 6). Выходы с этой площади – вглубь квартала, по «Дворцовой улице» и к Южному дворцу – были перегорожены воротами и находились под контролем дворцового гарнизона, размещавшегося в мощной дворцовой башне и в здании казематов. Разрастание и консолидация дворцового квартала внутри городской застройки отрезало северо-западную часть холма от внутренних жилых районов города – это говорит о том, что в последний период существования Угарита должны были функционировать городские ворота на других склонах холма.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что Северный дворец, возведенный первыми царями исторической династии Угарита, стал тем ядром, к которому стягивались важнейшие религиозно-политические институты города. С течением времени здание обрастало второстепенными пристройками, отдельными сооружениями, вмещавшими различные дворцовые службы и дополнявшими структуру царской резиденции. Образовавшийся таким образом в западной части города дворцовый квартал уравновесил храмовый центр на акрополе. Основные планировочные принципы, сложившиеся в древнюю эпоху, приобрели новое значение с созданием Большого царского дворца; укрепление границ царского квартала привело к его обособлению и затем к практически полной изоляции внутри города.

К.А. Стародуб-Шарп

⁷⁸ Schaeffer // Syria. 1952. 31. P. 23.

⁷⁹ Lagarce J. // Syria. 1984. 61. P. 173.

Хронологическая таблица

Все даты в тексте основаны на Revised Stratigraphical and Chronological Chart of the Prehistoric and Historic Levels of Ras Shamra-Ugarit. From: *J.-Cl. Courtois. Ugarit Grid, Strata, and Find Localizations. A Re-assurement // ZDPV. 1974. 90. P. 105:*

Level (niveau)	Stratum	Date B.C.	Periods
	1	550–200	Persian-Greek, Hellenistic;
...	(Lacuna c. 1185–550)	...	Iron Age
I	2	1365–1185	LB 3 a-b-c = RS I/3 = UR 3
I	3	1450–1365	LB 2 a-b-c = RS I/2 = UR 2
I	4	1600–1450	LB 1 a-b-c = RS I/1 = UR 1
...	(Lacuna c. 1650–1600)	...	
II	5	1750–1650 /1600	MB 3 or II B = RS II/3 = UM 3
II	6	1900–1750	MB 2 or II A = RS II/2 = UM 2
II	7	2100–1900	MB 1 or EB-MB = RS II/1 = UM 1
III	8	ок. 2300–2100	EB 3 = RS III/3 = UA 3
III	9	ок. 2600–2300	EB 2 = RS III A 2
III	10	ок. 2900–2600	EB 1 = RS III A 1
III	11	ок. 3500–2900	Ubayd Late Chalcolithic = RS IV A
III	12	ок. 4000–3500	Red ware and early Ubayd = RS III C
IV	13	ок. 4500–4000	Halafian Middle Chalcolithic = RS IV A
IV	14	ок. 5000–4500	Halafian Early Chalcolithic = RS IV BC
V	15	ок. 6000–5000	Middle and Late Pottery–Neolithic = RS V A-B
V	16	ок. 6500–6000	Early Pre-Pottery Neolithic = RS 5 C or V C

KTU 1.113 – реверс. (црт. по *J. Aboud. Die Rolle des Königs und seiner Familie nach den Texten von Ugarit. Münster, 1994. S. 3–4:*)

[]	[il 'm]tmr
[]	[il n]qmp'
[]	il 'mph ('mrpi)
[]	il ibm
[]	il y' d'rd
[]	il nqmp'
[]	il ibm
[il ar · l]b	[i]l 'mrpi
[il nq]mp'	[i]l nqmp'
[il 'm]tmr	il ixxxxx
[il nqm]d	il nqmp'
[]	il ibm
[]	il nqmd
[]	il yqr

Реконструкция списка с условными датировками (цит. по *J. Aboud. Die Rolle des Königs und seiner Familie nach den Texten von Ugarit. Münster, 1994. S. 40*):

+1	<i>Puruqu I</i>	1650	+1		2150
+2			+2		
+3			+3		
L.1	[]		R.1		
L.2	[]		R.2	[il'm]tmr 'Ammistamru I	
L.3	[]		R.3	[il n]qmp'	Niqmepa I
L.4	[] <i>Ibiranu V</i>	1500	R.4	il'mph ('mrpi)	'Ammurapi I
L.5	[]		R.5	il ibm	Ibiranu I
L.6	[]		R.6	il y'grd	Yadhir-addu
L.7	[] <i>'Ammistamru II</i>	1400/1350	R.7	il nqmp'	Niqmepa II
L.8	[] <i>Niqmaddu II</i>	1350-1315	R.8	il ibm	Ibiranu II
L.9	[il arh]b Ar Halbu		R.9	[i]l 'mrpi	'Ammurapi II
L.10	[il nq]mp' Niqmepa V		R.10	[i]lnqmp'	Niqmepa III
L.11	[il 'm]tmr 'Ammistamru III	1265-1215	R.11	il xxxxx	Ibiranu III
L.12	[il nqm]d Niqmaddu III		R.12	il nqmp'	Niqmepa IV
L.13	[] <i>Ibiranu VI</i>		R.13	il ibm	Ibiranu IV
L.14	[] <i>Niqmaddu IV</i>		R.14	il nqmd	Niqmaddu I
L.15	[] <i>'Ammurapi</i>	-ca. 1190	R.15	il yqr	Yaqarum ca. 1700

Последовательность правящих династий в Угарите, см. *K.A. Kirchen. The King List of Ugarit // UF. 1977. 9. P. 141*:

Дата	Угарит	Хабур	Ассирия
	династия III тыс. до н. э.		
2160			Дитану (ассирийский список царей)
2100 ff.	династия Карату = собрание Дитану, KTU 1.161	Карату	
2000 ff.	Белкену Тарменну Бадану Радану Тарру		
	...		
1900 ff.	династия Йакарума KTU 1.113		

THE DEVELOPMENT OF THE PALATIAL COMPLEX IN UGARIT

K.A. Starodoub-Scharr

In the western half of the tell, naturally opposed to the acropolis with the main city temples, the remains of three palaces of different time have been discovered along with several other large official buildings. Although this part of Ugarit preserved its official functions in the course of a whole millennium at least, its inner organization has suffered serious changes, primarily reflected in the cardinal re-construction of the royal residence.

1. Northern Palace was the oldest residence of Ugaritic kings; our information about it is rather meagre. Its modest architecture, orthostate lining and the probable absence of the first floor are unusual for Ugarit. The royal residence surrounded by its dependencies should have been forming the core of the

whole quarter, whose parts were preserved and later included in the new palatial complex of the late Ugarit. It is highly probable that the Northern palace was built already in the 18th cent. B. C. survived the period of the decline together with few other buildings and was left as soon as the new revival of the city gave the opportunity to construct a more luxurious royal residence. The Northern palace was left indeed about 1550 B. C. without any military or natural upheavals; all the furniture was taken out, no attempts to restore the building were undertaken. Gradually the ground was taken over by the modest living quarters of the city.

Since the northern slope of the tell has been heavily damaged by the erosion one can see the Northern palace practically in the centre of the old north-western part of the hill and on the same axis with the temples of acropolis, which, obviously, was the point of orientation for its main eastern facade.

2. The new palace was transferred to the periphery of the tell. Several reasons could possibly influence this re-organization. The abandoning of the Northern palace could have been caused by the change of the political and general cultural orientation of Ugarit at the moment, when the Hurrian population of the city attained a certain power. It could have been the rulers of a new dynasty who erected the new residence on the new place. The King List of Ugarit (KTU 1. 113) does not reflect any interruptions in the rule since the time of Northern Palace. The Great Royal Palace was obviously built after the Ugaritic epic, with the important pieces about Keret and Daniel, the mythic kings, had been recorded and, thus, canonized; the inner structure of the residence proves to match the peculiarities of the royal cult.

3. The functions of the citadel have been confined to the defence of the palace. The destructions in the middle 14th cent. BC were followed by the general refinement and reconstruction in the western area of the palatial precinct. The growth and consolidation of the palatial quarter within the city isolated the north-western part of the tell from the inner residential areas.

© 1999 г.

ПИФАГОРЕИЗМ В РИМСКОМ АВГУРАЛЬНОМ ПРАВЕ

О греческом влиянии на Рим и римское право написано много как в отечественной, так и в зарубежной литературе¹. Однако, как правило, в этой литературе речь идет о достаточно позднем влиянии, относящемся уже ко II, в лучшем случае к III в. до н.э. Когда же говорят о влияниях архаической эпохи, на первом месте стоят этруски². Что и говорить, влияние этрусков, особенно в эпоху правления этрусской династии, неоспоримо. Однако в античной традиции существовало устойчивое убеждение в глубоком греческом влиянии именно на архаический Рим вообще и на римское право в частности. Как, например, понять следующие слова Дионисия Галикарнасского (I. 90. 1): «Римляне же говорят на наречии не вполне варварском и не совершенно эллинском, но на каком-то смешанном из обоих, большая часть которого – эолийская. Единственное, что они почти не восприняли из многочисленных взаимосвязей – это правильное произношение речи. В отношении же всего остального есть признаки (их) эллинского происхождения». Известно, что Дионисий был не только историком, но и прекрасным филологом, знающим как греческий, так и латинский языки³, следовательно, его

¹ Покровский М.М. История римской литературы. М.–Л., 1942. С. 18–20; Waszink J.H. Zum Studium der griechischen Einflüsse in der lateinischen Literatur // Antike und Abendland. 9. 1960. S. 109–122; Pringsheim F. Griechischer Einfluss auf das römische Recht // BIDR. 1960. LXIII. P. 1–17; Humm M. Les origines du pythagorisme romain. Problèmes historiques et philosophiques // Études classiques. Namur, 1996. T. 64. № 4. P. 339–353.

² De Martino M. Storia arcaica e diritto romano privato // RIDA. 1950. 4. P. 387–408.

³ Fascione L. Il mondo nuovo: la costituzione romana nella «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso.